

A young woman with long, wavy brown hair and a gentle smile is the central figure. She is wearing a thick, textured beige knit scarf and a dark blue or grey sweater. In her hands, she holds a brown paper coffee cup with a white lid. The background is a blurred city street at night, with warm, golden lights from buildings and street lamps creating a bokeh effect. The overall mood is cozy and intimate.

Элла Золина

Не надо меня спасать!

Элла Золина

Не надо меня спасать!

«Автор»

2026

Золина Э.

Не надо меня спасать! / Э. Золина — «Автор», 2026

Лера не может пройти мимо чужой проблемы, не кинувшись на помощь, даже если её об этом не просили. Она чувствует чужую боль как свою. Всё меняется, когда в её руки попадает странная почтовая сумка. Она не просто дарит волшебные предметы. Сумка раскрывает в Лере способность, которой она раньше боялась: она начинает слышать город. Не голоса, а его живой пульс – чужую усталость, застарелую боль и надежду. Но сумка вовсе не пульт управления чужими судьбами, а пульс города, который нельзя подчинить, не разрушив себя. Спасая всех, Лера рискует потерять себя, ведь её навязчивая помощь всё чаще воспринимается как вторжение. Ей предстоит пройти путь от «санитарки чужих душ» до человека, который умеет просто быть рядом, не пытаясь склеить то, что должно зажить само. И главный урок, который ей предстоит усвоить, звучит как тихий, но настойчивый шёпот самого города: «Не надо меня спасать». Это история о том, как перестать штопать мир и позволить ему дышать в унисон с твоим сердцем.

© Золина Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Корица для уюта	5
Глава 2. Сумка, которая дышит	8
Глава 3. Наушники для мира	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Элла Золина

Не надо меня спасать!

Глава 1. Корица для уюта

Я проснулась от скрипа половицы в коридоре – у этой старой доски, всегда был свой, особый голос: не громкий, не угрожающий, а такой, будто она ворчит себе под нос: «Ну вот, опять. А я-то надеялась, что сегодня можно просто полежать». Я приоткрыла один глаз, потом второй, потом снова закрыла: утро ещё не началось, а я уже чувствовала себя лишней на этом празднике жизни – как ложка, которую забыли на столе после ужина и теперь она лежит, слегка растерянная, и не знает, радоваться ли, что её не убрали, или грустить, что про неё забыли.

В комнате слегка пахло мятой – запах вчерашнего чай всё ещё висел в воздухе, как робкое обещание, что всё будет нормально, если не проверять это слишком часто. Барсик лежал на подоконнике, вытянув лапы так, будто собирался благословить двор-колодец. Взгляд кота можно было понять без перевода: «Ты опять тянешь. Моё терпение не бесконечно. А между прочим, у меня график: в девять – медитация, в десять – охота на пылинку, и я не могу сдвигать всё из-за твоей человеческой лени».

– Доброе утро, мой пушистый тиран, – сказала я, натягивая колючий свитер со спинки стула. Он кололся – ровно настолько, чтобы не дать мне поверить в сахарную вату и прочие иллюзии уюта. В этом тоже была своя честность: мир напоминал, что мягкость – это не отсутствие шероховатостей, а умение с ними уживаться.

На кухне чайник ждал, как старый друг, который знает все твои слабости и всё равно готов составить компанию. Щёлкаю кнопку – он сначала заворчал, запыхтел, а потом вдруг всхлипнул и затих, обиженный, что я не поговорила с ним о смысле бытия до закипания. У нас негласный договор: он делает вид, что греется из принципа, я делаю вид, что не замечаю его театральности. В конце концов, у каждого свои способы справляться с утром.

Пока вода согрелась, я положила в миску Барсику еду. Он принялся за завтрак с царственной неторопливостью. Весь его вид говорил, что я, так и быть, на сегодня прощена. А я подошла к окну. Двор-колодец в этот час выглядел как шкатулка, которую забыли закрыть: тени лежали на стенах длинными мазками, будто город тоже потягивался, не торопясь вставать. У скамейки кто-то оставил зонт. Он стоял, накренившись, как человек, который слишком долго слушал чужие глупости и ушёл, хлопнув дверью прямо посередине чужой фразы – и теперь будто говорил: «Я тут. Я не ушёл совсем. Просто мне нужно было выйти на минуту, чтобы не сказать лишнего».

Я заварила чай с мятой. По утрам он кажется предвестником спокойствия. Кофе я оставляла на потом, для визита в свою любимую кофейню. Маленький ритуал, чтобы день не превращался в спринт: сначала – шаг, потом – глоток, потом – ещё один шаг.

Первый глоток обжёг язык – и в этом тоже было утешение: острое ощущение напоминало, что я здесь, я бодрствую, я участвую. Я снова посмотрела в окно – тени уже чуть сместились. Время не стояло на месте, даже если мне хотелось нажать паузу. Достала потрёпанный блокнот из ящика, записала: «Тени сегодня длиннее. Город, кажется, взял отгул». Три детали в день – личный протокол безопасности. Не открытия, а просто то, что цепляет взгляд и остаётся в груди лёгким весом. Чтобы не улететь.

Путь на работу – через кофейню. Кирилл, бариста, казалось, обладал даром предвидения – или просто очень внимательно смотрел на людей. Он не спросил. Просто поставил чашку и бросил с мягкой иронией:

– Сегодня день просит корицы. И даже не спорь.

Я улыбнулась. В этом ритуале было столько предсказуемого покоя, что узел в груди слегка ослаб – как будто кто-то тихонько потянул за нитку, и она поддалась.

– А если день ошибается?

Кирилл пожал плечами, взбивая молоко – пена поднималась, как маленькое облако, готовое вот-вот пролиться дождём:

– Тогда пусть будет корица для утешения. День, который ошибся, тоже имеет право на щепотку уюта.

Кофе оказался правильным: горячий, пряный, с горечью, которая не портит вкус, а собирает его воедино – как старые друзья, которые ссорятся, но всё равно держатся вместе, потому что знают: без этой шероховатости не будет настоящего тепла. Я сделала глоток и почувствовала, как внутри что-то растворяется. Достаточно, чтобы сказать себе: «До обеда я справлюсь».

Город по дороге шептал свои утренние истории. Из окна второго этажа тянуло жареной картошкой и голосом диктора про атмосферное давление – странное сочетание, которое почему-то звучало как колыбельная большого города. На углу старушка в вязаной кофте кормила голубей с такой сосредоточенностью, будто выполняла великую миссию – и, возможно, так оно и было: поддерживать равновесие мира, по одному голубю за раз. У остановки парень в наушниках стоял, глядя в никуда, – вся его поза говорила: «Я здесь, но дайте мне ещё пять минут, чтобы окончательно проснуться».

Офис встретил полумраком и бумагой – запахом типографской краски, пыли и чего-то неуловимо канцелярского, как будто сам воздух здесь был пропитан сроками и дедлайнами. Мой стол у окна, выходящего на глухую стену соседнего здания. Иногда мне казалось, что эта стена – тренажёр эмпатии: учись находить смысл там, где другие видят тупик. Сегодня на ней лежала тень от пожарной лестницы – как застывшая музыкальная фраза, которую никто не слышит, но она держит весь аккорд, не давая ему рассыпаться.

Я записала вторую деталь: «Тень от лестницы – как нота, которую никто не поёт, но без неё вся мелодия звучит иначе».

Работа текла тихо. Я вычитывала тексты, возвращая им дыхание. Это похоже на сидение у постели: не говоришь громких слов, не обещаешь чудес, просто держишь за руку, пока слова сами находят дорогу. Мои пациенты – буквы: усталые, сбившиеся с ритма, потерявшие интонацию. Я возвращала им паузы, убирала лишние восклицания, ставила запятые там, где хотелось вздохнуть. Иногда казалось, что я не редактор, а тихий целитель, который лечит не раны, а сбившееся дыхание фраз.

Анна подошла к обеду. Очки на переносице, волосы выпустили несколько пленных прядей – будто пытались сбежать от всей этой суеты, но не решились. Она выглядела так, будто удерживала на плечах небо, и оно начинало потихоньку сползать.

– Слайды к презентации – полная ерунда, – сказала она, падая на стул, как человек, который наконец-то нашёл место, где можно перестать быть сильным.

Я выпрямилась быстрее, чем успела подумать. Достала чистый лист, схватила ручку:

– Давай помогу. Первый слайд – крючок, второй – проблема. Можно переписать текст. Или инфографику, есть одна программа...

Анна посмотрела на меня. Устало, но твёрдо – в этом взгляде было столько терпения, что мне вдруг стало неловко за свою поспешность.

– Лер, спасибо. Но я сама. Мне не нужна помощь. Мне нужно просто выговориться минут пять. А потом я возьму, и сама всё сделаю.

Ручка замерла в воздухе, растерянная – как щенок, который хотел поиграть, а ему сказали: «Не сейчас». Лист остался девственно чистым – пустота показалась оглушительной, будто весь мир вдруг замолчал, чтобы я услышала эту тишину.

– Прости, – сказала я. – Я не могу удержаться, чтобы не прийти на помощь.

Анна чуть смягчилась, и в её улыбке мелькнуло что-то тёплое, почти смешное:

– Я знаю. Ты всегда такая. Но сегодня мне нужна тишина, чтобы справиться самой.

Мы посидели молча. Минуту, потом ещё. Тишина между нами стала не уютной, а колючей – как новый шерстяной шарф, который ещё не разношен, но уже обещает, что потом будет тепло. Но я не пыталась её заполнить. Впервые за долгое время я позволила моменту быть неудобным. Думала: ей не нужен ремонт. Ей нужно разрешение быть разобранной. Иногда самое бережное, что можно сделать, – это просто сидеть рядом и не пытаться всё исправить.

К концу дня я снова достала блокнот. Третья деталь пришла сама: «Запах мокрого камня – как память о чём-то важном, что почти стёрлось, но ещё держится где-то на краю сознания». Четвёртая, мысль внеплановая, возникла спонтанно: «Барсик хоть и смотрит с презрением, но всё равно меня любит».

Закрыла блокнот. Город чуть наклонился ко мне – незаметно, как человек, который хочет шепнуть, но боится разрушить тишину. Воздух стал плотнее, будто в нём повисло невысказанное слово, и все мы – я, город, Барсик – ждали, когда оно наконец обретёт форму.

Дома Барсик ждал у двери. Не бросился навстречу – просто сидел, распушив хвост, и оценивал тяжесть моего рюкзака с чужими проблемами, как строгий бухгалтер, проверяющий баланс.

– Знаю, не любишь сантиментов, – сказала я, снимая ботинки. – Но спасибо, что караулил границу.

Он фыркнул и пошёл на кухню – намекая, что благодарность лучше выражать кормом. И в этом тоже была своя мудрость: иногда самое глубокое признание – это не слова, а действие.

Пока он ел, я заварила мяту. Тот самый вечерний чай, который теперь казался актом примирения: «Сегодня я хотела всех спасти, но лучшая помощь – вовремя убрать руки». За окном темнело. Тени удлинились, но уже не казались усталыми – скорее, мягкими границами, которые город ставил вокруг меня, как невидимую ограду: «Можешь остановиться здесь. Здесь безопасно».

Я села у окна. Фонарь в луже дрожал – чуть-чуть, почти незаметно. На секунду мне показалось, что отражение на миг обогнало сам фонарь на полтакта, будто хотело сказать: «Я знаю, что ты устала. Я тоже немного спешу – но не настолько, чтобы забыть про тебя». Я моргнула. Всё встало на место.

Барсик зевнул, обнажив клыки, – и я вдруг подумала, что, может быть, собирать себя тоже можно по частям. Как детали дня: тень, запах, взгляд кота. Маленькие кусочки, которые вместе держат форму – не идеальную, не безупречную, но свою, родную.

Город продолжал шептать за окном. Я слушала. Не чтобы исправить, не чтобы наложить швы, а просто чтобы быть частью этого выдоха. И в этой тишине было столько уюта, что казалось – даже если мир немного кренится, он всё равно держит меня.

Сноска:

Вопреки распространённому мнению, городские тени не удлиняются сами по себе. Они просто следуют за временем, иногда – чуть быстрее, если им кажется, что день устал и нуждается в поддержке. В таких случаях архитектурный надзор рекомендует не паниковать и не проверять часы – тем более что они всё равно врут в последнюю неделю месяца. А тени, кстати, врут гораздо реже. Они просто честно показывают, сколько света осталось – и сколько ещё можно успеть до темноты.

Глава 2. Сумка, которая дышит

Утро началось с предательства лампочки в подъезде – она моргнула, будто хотела что-то сказать, да передумала, и погасла окончательно. В полумраке знакомая выщербленная ступенька выглядела не как дефект бетона, а как личная насмешка мироздания: мол, ну что, опять? Я споткнулась о неё. Пакет в руке хрустнул обиженно, словно упрекая меня за то, что я вообще решилась выйти из дома. Очистки, пустая бутылка из-под кефира и скомканный чек разлетелись по площадке, как улики чьей-то очень уставшей жизни – той самой, где планы строятся на том, чтобы просто дожить до обеда.

– Ну вот, – сказала я, присаживаясь на ступеньку и собирая это безобразие. – День решил устроить мне проверку на прочность.

И в этот момент дверь распахнулась – не от ветра, а от кого-то, кто умел входить так, будто нёс на плечах все утренние письма города, все недосказанные «здравствуйте», все забытые «спасибо». Иван Петрович, наш почтальон. В одной руке – сумка, в другой – карамелька. Он протянул её сонному мальчишке на лестничной клетке – тот спускался по лестнице, кутаясь в куртку, слишком большую для него, и смотрел на мир с тем особым недоверием, какое бывает только у детей в семь утра.

– Держи, чтобы день стал чуть слаще, – сказал Иван Петрович. Обыденно, буднично. И это почему-то кольнуло в груди – не больно, а так, напоминанием, что сердце всё ещё на месте, просто иногда прячется поглубже, чтобы его не задела случайно.

А потом из его сумки выпал бумажный фонарик.

Он не упал – он вышел наружу, мягко, без спешки, будто вспомнил, что у него есть дело, и решил заняться им прямо сейчас. И засветился во мраке лестницы. Свет был не слепящим, а таким, как у ночника в детской: достаточно, чтобы не бояться теней, но недостаточно, чтобы разрушить уютную тайну утра. В этом свете ступенька перестала выглядеть насмешливой – она стала просто ступенькой, ничем не хуже и не лучше других.

Я замерла. И тут же – не услышала, а скорее поймала чужую мысль. Она была липкой, как пролитый вишнёвый сироп: «Хоть бы день прошёл спокойно. Хоть бы никто не трепал нервы». Я точно знала, что это не моя мысль. Это думала женщина за стеной, прижимая телефон к уху и стараясь говорить тише, чтобы не разбудить кого-то ещё. Чужая усталость на миг коснулась моего плеча – тёплая и тяжёлая, как старое пальто, которое слишком велико.

Иван Петрович наклонился, поднял мою бутылку из-под кефира: аккуратно, будто это был не мусор, а хрупкая вещь, заслуживающая бережного отношения, и сказал буднично:

– Не переживайте. Город иногда показывает свои секреты тем, кто готов их слушать. Или тем, кто просто не успел надеть наушники.

Я открыла рот, чтобы спросить, что он имеет в виду, но он уже всучил мне свою сумку – тёплую, тяжёлую, внутри что-то шуршало и вздыхало, как дремлющий сквозняк, которому снилось, что он ураган. И ушёл. Просто развернулся и исчез в утреннем свете, оставив меня посреди подъезда с пакетом мусора в одной руке и сумкой, которая явно была тяжелее, чем казалась.

Внутри что-то вздохнуло – не угрожающе, а скорее устало, как вздыхает человек, который весь день таскал коробки и наконец сел отдохнуть. Я перехватила её поудобнее, чувствуя, как ткань чуть теплеет в ладонях.

– Ну вот, – сказала я сумке, понизив голос, будто боялась, что кто-то подслушает. – Опять город решил показать свои секреты, когда я забыла дома наушники. И кофе, кажется, тоже не поможет.

Сумка не ответила, но мне показалось, что она чуть пригрелась в ладонях – как будто ей было приятно, что её не бросили на пол, а держат.

На улице город шептал. Не словами – скорее, как радио, которое ловит не ту волну: в нём мешаются обрывки мыслей, чужие надежды и усталость, оседающая на плечах мокрой пылью. Женщина в длинном пальто у остановки думала о чём-то, что пахло безнадежностью и мокрым снегом – этот запах я знала хорошо: он витал в коридорах поликлиник и в очередях в паспортный стол. Парень у витрины магазина излучал надежду, которая пока не набрала вес, как щенок, который ещё не понял, что он вырастет в большую собаку. Старушка с голубями бормотала под нос бесконечное «хоть бы» – и в этом «хоть бы» умещалось всё: здоровье, погода, чтобы внук позвонил, чтобы хлеб не подорожал.

Я зажмурилась на секунду, пытаюсь стряхнуть с себя этот невидимый слой чужих эмоций, как стряхивают с пальто капли дождя. Слишком громко. Слишком много.

Сумка в руке чуть дрогнула – будто хотела сказать: «Не бери всё на себя, я тоже могу немного поддержать». Я открыла глаза. Город продолжал дышать, но теперь я старалась не вдыхать слишком глубоко – как стараются не вдыхать запах гари, если знают, что пожар уже потушили, но дым ещё висит в воздухе.

В кофейне Кирилл, увидев меня, нахмурился – не сердито, а так, как хмурятся, когда видят, что друг забыл зонт в дождь.

– Ты сегодня... будто на тебе весь подъезд висит, – сказал он. – Что-то случилось?

Я хотела сказать «ничего» – старая привычка прятать усталость за коротким словом, как прячут чашку с недопитым чаем за стопкой книг. Вместо этого поставила сумку Ивана Петровича на табурет. Она вздохнула, устраиваясь поудобнее, и ткань на боку чуть натянулась, будто сумка пыталась устроиться покомфортнее.

Кирилл покосился на неё. Потом на меня.

– Это не просто сумка, – сказал он тихо.

– А что?

– Не знаю. Но она явно не из универмага. Такие обычно наполнены чудесами. Или тем, что за них принимают.

Он поставил передо мной чашку. Кофе сегодня пах не корицей – дождём, мокрыми листьями и чем-то знакомым, от чего внутри сжался маленький, давно забытый узел.

– Не пытайся сразу всё разобрать по полочкам, – добавил Кирилл, не глядя на меня. – Дай себе время привыкнуть к тому, что стены стали прозрачными.

Я не спросила, откуда он знает. Наверное, потому, что в этом городе многие знали такие вещи – не из книг, а из опыта. Я просто сделала глоток. Кофе был тёплым, чуть горьковатым, и в этой горечи было что-то правильное – как честный разговор, в котором не стараются казаться лучше, чем есть.

На работе прятаться в чужие тексты не вышло. Обычно я возвращаю им дыхание – редактирую тексты так, чтобы они становились почти живыми, чтобы за строчками проглядывал человек, который их писал. Но сегодня я видела не только буквы. Между строк лежала усталость автора, его надежда быть понятым, его тихий страх, что книгу закроют на середине. Эти эмоции были как тени на стене – их не видно, если не присматриваться, но, если заметить, уже нельзя сделать вид, что их нет.

Анна сидела, ссутулившись перед монитором. Очки сползли на кончик носа, и она не замечала этого – так бывает, когда ты настолько погружён в работу, что перестаёшь замечать даже собственное тело. Я подошла, и у меня уже открылся рот – по старой привычке: «Как слайды? Может, глянуть?»

Но слова застряли. Анна подняла глаза и сказала твёрдо, но без злости – просто как факт:

– Я сама всё сделаю. Честно. Не надо планов, не надо схем. Я сейчас как неисправный чайник: если ещё кто-то щёлкнет кнопкой – рвану.

Я отступила на полшага. Она не отталкивала меня. Она просто очерчивала границу, и в этом было что-то новое, к чему я ещё не привыкла – как не привыкаешь сразу к тому, что старые туфли стали жать. Раньше её «я сама» прозвучало бы как «ты не нужна». А теперь я поняла: её самостоятельность – это тоже доверие. Она доверяла мне настолько, что могла позволить себе быть неидеальной, не боясь, что я буду её спасать.

– Ладно, – сказала я и убрала из голоса профессиональную заботливость, как убирают со стола лишнюю посуду, чтобы не мешала. – Если понадобится – позови. А если нет – я буду где-то рядом. Без советов.

Анна чуть улыбнулась. В этой слабой улыбке было столько благодарности, что она весила больше любых слов – как весит чашка горячего чая, когда ты замёрз.

– Спасибо, – сказала она. – Что не стала сразу спасать.

Я кивнула и вышла в коридор. Только там выдохнула – медленно, чтобы не спугнуть это новое ощущение: будто я не провалила что-то важное, а, наоборот, сделала всё правильно.

Вечером город продолжал шептать, но теперь его шёпот звучал не как обвинение, а как тихий разговор, который можно слушать, а можно не слушать – по желанию. Я закрыла уши воротником пальто – не от холода, а от этого шёпота, как закрывают окно, когда за ним слишком громко разговаривают соседи.

Дома Барсик встретил меня взглядом председателя домкома, который устал объяснять очевидное: «Ты опять принесла с собой весь метрополитен? Положи в прихожей, он тяжёлый».

Я поставила сумку на пол. Она вздохнула – уже привычно, но мягче, будто устала, но была довольна, что день закончился. Барсик фыркнул, показывая, что настоящие проблемы не в магических артефактах, а в пустом желудке. И если я сейчас же не открою банку с кормом, он будет смотреть на меня этим взглядом до утра.

Я заварила мяту. Села у окна. Двор-колодец темнел, и в этом было уютное спокойствие, которого мне так не хватало – как бывает спокойно в комнате, где все вещи стоят на своих местах, даже если эти места кажутся странными.

Сумка лежала на полу – тёплая, живая, чуть пульсирующая, будто в ней билось тихое, неспешное сердце. Я смотрела на неё и не решалась открыть – как не решаются сразу открыть письмо, зная, что оно может изменить что-то в твоей жизни, а ты ещё не готова к переменам.

Потом всё-таки расстегнула застёжку.

Внутри оказался бумажный журавлик. Один. Я взяла его – бумага была тёплой, чуть шершавой, как старая книга, которую часто брали в руки. Развернула.

«Сегодня тебе не нужно быть сильной. Тебе нужно просто быть».

Я прочитала это три раза. Слова не стали легче, но почему-то не давили – как не давит тёплый плед, если ты просто сидишь под ним и смотришь, как за окном идёт дождь.

Барсик запрыгнул ко мне на колени – тяжёлый, тёплый, с урчанием, которое работало как якорь, удерживая меня здесь и сейчас, не давая уплыть в тревожные мысли.

За окном дождь стихал. Сумка лежала рядом, и я больше не боялась её открывать. Я сидела, гладила кота и слушала, как город за окном перестаёт шептать и начинает просто дышать – ровно, спокойно, как дышит человек, который наконец-то устроился поудобнее и понял, что сегодня всё будет в порядке. Или, по крайней мере, не хуже, чем вчера.

Сноска:

Почтовые сумки в нашем районе имеют репутацию. Говорят, они запоминают адресатов и иногда задерживают письма у тех, кому они нужнее. Технически это считается нарушением регламента, но почтальоны предпочитают закрывать на это глаза – тем более что сумки всё равно не слушаются. Да и какой толк от правил, если они не умеют быть чуть добрее к людям?

Глава 3. Наушники для мира

Я решила, что пора спасать не город. Спасать нужно было себя: если я продолжу слышать всё подряд – от застарелой зубной боли до паники из-за невыключенного утюга, – к пятнице моё имя останется только в паспорте, а сама я стану просто эхом метрополитена, таким гулким и бессмысленным, что даже собственные мысли в нём потонут.

В метро я пыталась выстроить стену. Представляла, что надеваю плотный вязаный шлем – из той самой толстой пряжи, что колетса и греет одновременно, как забота строгой бабушки. Помогало плохо. Чужие мысли липли к нему, как репейники к старому пальто: цепко, настойчиво и с какой-то обиженным упрямством. Мужчина на соседнем сиденье гипнотизировал свои ботинки, и от него тянуло «не забыть купить хлеб» – с такой тоской, будто речь шла о билете в один конец, а не о буханке ржаного. Парень через проход мысленно перебирал аргументы для разговора, которого боялся, – они у него путались, спотыкались друг о друга и никак не складывались в убедительную речь. Женщина у дверей держала в голове бесконечный список покупок, и в этом списке не было ни одного пункта для себя – сплошные «надо», «срочно», «не забыть».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.